

Максим Горький

Человек

Annotation

«... В часы усталости духа, – когда память оживляет тени прошлого и от них на сердце веет холодом, когда мысль, как бесстрастное солнце осени, освещает грозный хаос настоящего и зловеще кружится над хаосом дня, бессильная подняться выше, лететь вперед, – в тяжелые часы усталости духа я вызываю пред собой величественный образ Человека...».

- [Максим Горький](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
-

Максим Горький

Человек

... В часы усталости духа, – когда память оживляет тени прошлого и от них на сердце веет холодом, когда мысль, как бесстрастное солнце осени, освещает грозный хаос настоящего и зловеще кружится над хаосом дня, бессильная подняться выше, лететь вперед, – в тяжелые часы усталости духа я вызываю пред собой величественный образ Человека.

Человек! Точно солнце рождается в груди моей, и в ярком свете его медленно шествует – вперед! и – выше! – трагически прекрасный Человек!

Я вижу его гордое чело и смелые, глубокие глаза, а в них – лучи бесстрашной Мысли, той величавой силы, которая в моменты утомленья – творит богов, в эпохи бодрости – их низвергает.

Затерянный среди пустынь вселенной, один на маленьком куске земли, несущемся с неуловимой быстротою куда-то в глубь безмерного пространства, терзаемый мучительным вопросом – «зачем он существует?» – он мужественно движется – вперед! и – выше! – по пути к победам над всеми тайнами земли и неба.

Идет он, орошая кровью сердца свой трудный, одинокий, гордый путь, и создает из этой жгучей крови – поэзии нетленные цветы; тоскливый крик души своей мятежной он в музыку искусно претворяет, из опыта – науки создает и, каждым шагом украшая жизнь, как солнце землю щедрыми лучами, – он движется все – выше! и – вперед! звездой путеводной для земли...

Вооруженный только силой Мысли, которая то молнии подобна, то холодно спокойна, точно меч, – идет свободный, гордый Человек далеко впереди людей и выше жизни, один – среди загадок бытия, один – среди толпы своих ошибок... и все они ложатся тяжким гнетом на сердце гордое его, и ранят сердце, и терзают мозг, и, возбуждая в нем горячий стыд за них, зовут его – их уничтожить.

Идет! В груди его режут инстинкты; противно ноет голос самолюбья, как наглый нищий, требуя подачки; привязанностей цепкие волокна опутывают сердце, точно плющ, питаются его горячей кровью и громко требуют уступок силе их... Все чувства овладеть желают им; все жаждет власти над его душою.

А тучи разных мелочей житейских подобны грязи на его дороге и гнусным жабам на его пути.

И как планеты окружают солнце, – так Человека тесно окружают

создания его творческого духа: его – всегда голодная – Любовь; вдали, за ним, прихрамывает Дружба; перед ним идет усталая Надежда; вот Ненависть, охваченная Гневом, звенит оковами терпенья на руках, а Вера смотрит темными очами в его мятежное лицо и ждет его в свои спокойные объятья...

Он знает всех в своей печальной свите – уродливы, несовершенны, слабы создания его творческого духа!

Одетые в лохмотья старых истин, отравленные ядом предрассудков, они враждебно идут сзади Мысли, не поспевая за ее полетом, как ворон за орлом не поспевает, и с нею спор о первенстве ведут, и редко с ней сливаются они в одно могучее и творческое пламя.

И тут же – вечный спутник Человека, немая и таинственная Смерть, всегда готовая поцеловать его в пылающее жаждой жизни сердце.

Он знает всех в своей бессмертной свите, и, наконец, еще одно он знает – Безумие...

Крылатое, могучее, как вихрь, оно следит за ним враждебным взором и окрыляет Мысль своею силой, стремясь вовлечь ее в свой дикий танец...

И только Мысль – подруга Человека, и только с ней всегда он неразлучен, и только пламя Мысли освещает перед ним препятствия его пути, загадки жизни, сумрак тайн природы и темный хаос в сердце у него.

Свободная подруга Человека, Мысль всюду смотрит зорким, острым глазом и беспощадно освещает все:

– Любви коварные и пошлые уловки, ее желанье овладеть любимым, стремление унижать и унижаться и – Чувственности грязный лик за ней; пугливое бессилие Надежды и Ложь за ней, – сестру ее родную, нарядную, раскрашенную Ложь, готовую всегда и всех утешить и – обмануть своим красивым словом.

Мысль освещает в дряблом сердце Дружбы ее расчетливую осторожность, ее жестокое, пустое любопытство, и зависти гнилые пятна, и клеветы зародыши на них.

Мысль видит черной Ненависти силу и знает: если снять с нее оковы, тогда она все на земле разрушит и даже справедливости побеги не пощадит!

Мысль освещает в неподвижной Вере и злую жажду безграничной власти, стремящейся поработить все чувства, и спрятанные когти изуверства, бессилие ее тяжелых крылий, и – слепоту пустых ее очей.

Она в борьбу вступает и со Смертью: ей, из животного создавшей Человека, ей, сотворившей множества богов, системы философские, науки ключи к загадкам мира, – свободной и бессмертной Мысли, – противна и

враждебна эта сила, бесплодная и часто глупо злая.

Смерть для нее ветошнице подобна, – ветошнице, что ходит по задворкам и собирает в грязный свой мешок отжившее, гнилое, ненужные отбросы, но порою ворует нагло здоровое и крепкое.

Пропитанная запахом гниения, окутанная ужаса покровом, бесстрастная, безличная, немая, суровою и черною загадкой всегда стоит пред Человеком Смерть, а Мысль ее ревниво изучает – творящая и яркая, как солнце, исполненная дерзости безумной и гордого сознания бессмертья...

Так шествует мятежный Человек сквозь жуткий мрак загадок бытия вперед! и – выше! все – вперед! и – выше!

II

Вот он устал, шатается и стонет; испуганное сердце ищет Веры и громко просит нежных ласк Любви.

И Слабостью рожденные три птицы – Уныние, Отчаянье, Тоска, – три черные, уродливые птицы – зловеще реют над его душою и все поют ему угрюмо песнь о том, что он – ничтожная букашка, что ограничено его сознание, бессильна Мысль, смешна святая Гордость, и – что бы он ни делал, – он умрет!

Дрожит его истерзанное сердце под эту песнь и лживую, и злую; сомнений иглы колют мозг его, и на глазах блестит слеза обиды...

И если Гордость в нем не возмутится, страх Смерти властно гонит Человека в темницу Веры, Любовь, победно улыбаясь, влечет его в свои объятия, скрывая в громких обещаньях счастья печальное бессилие быть свободной и жадный деспотизм инстинкта...

В союзе с Ложью, робкая Надежда поет ему о радостях покоя, поет о тихом счастье примиренья и мягкими, красивыми словами баюкает дремотствующий дух, толкая его в тину сладкой Лени и в лапы Скуки, дочери ее.

И, по внушенью близоруких чувств, он торопливо насыщает мозг и сердце приятным ядом той циничной Лжи, которая открыто учит, что Человеку нет пути иного, как путь на скотный двор спокойного довольства самим собою.

Но Мысль горда, и Человек ей дорог, – она вступает в злую битву с Ложью, и поле битвы – сердце Человека.

Как враг, она преследует его; как червь, неумоимо точит мозг; как засуха, опустошает грудь; и, как палач, пытается Человека, безжалостно сжимая его сердце бодрящим холодом тоски по правде, суровой мудрой правде жизни, которая хоть медленно растет, но ясно видима сквозь сумрак заблуждений, как некий огненный цветок, рожденный Мыслью.

Но если Человек отравлен ядом Лжи неизлечимо и грустно верит, что на земле нет счастья выше полноты желудка и души, нет наслаждений выше сытости, покоя и мелких жизненных удобств, тогда в плену ликующего чувства печально опускает крылья Мысль и – дремлет, оставляя Человека во власти его сердца.

И, облаку заразному подобна, гнилая Пошлость, подлой Скуки дочь, со всех сторон ползет на Человека, окутывая едкой серой пылью и мозг его,

и сердце, и глаза.

И Человек теряет сам себя, перерожденный слабостью своею в животное без Гордости и Мысли...

Но если возмущенье вспыхнет в нем, оно разбудит Мысль, и – вновь идет он дальше, один сквозь терния своих ошибок, один среди жгучих искр своих сомнений, один среди развалин старых истин!

Величественный, гордый и свободный, он мужественно смотрит в очи Правде и говорит сомнениям своим:

– Вы лжете, говоря, что я бессилен, что ограничено сознание мое! Оно растет! Я это знаю, вижу, я чувствую – оно во мне растет! Я постигаю рост сознания моего моих страданий силой, и – знаю – если б не росло оно, я не страдал бы более, чем прежде...

– Но с каждым шагом я все большего хочу, все больше чувствую, все больше, глубже вижу, и этот быстрый рост моих желаний – могучий рост сознания моего! Теперь оно во мне подобно искре – ну что ж? Ведь искры – это матери пожаров! Я – в будущем – пожар во тьме вселенной! И призван я, чтоб осветить весь мир, расплавить тьму его загадок тайных, найти гармонию между собой и миром, в себе самом гармонию создать и, озарив весь мрачный хаос жизни на этой исстрадавшейся земле, покрытой, как наскожною болезнью, корой несчастий, скорби, горя, злобы, – всю злую грязь с нее смести в могилу прошлого!

– Я призван для того, – чтобы распутать узлы всех заблуждений и ошибок, связавшие запуганных людей в кровавый и противный ком животных, взаимно пожирающих друг друга!

– Я создан Мыслию затем, чтоб опрокинуть, разрушить, растоптать все старое, все тесное и грязное, все злое, – и новое создать на выкованных Мыслью незыблемых устоях свободы, красоты и – уваженья к людям!

– Непримирымый враг позорной нищеты людских желаний, хочу, чтоб каждый из людей был Человеком!

– Бессмысленна, постыдна и противна вся эта жизнь, в которой непосильный и рабский труд одних бесследно, весь уходит на то, чтобы другие пресыщались и хлебом и дарами духа!

– Да будут прокляты все предрассудки, предубеждения и привычки, опутавшие мозг и жизнь людей, подобно липкой паутине. Они мешают жить, насилуя людей, – я их разрушу!

– Мое оружие – Мысль, а твердая уверенность в свободе Мысли, в ее бессмертии и вечном росте творчества ее – неисчерпаемый источник моей силы!

– Мысль для меня есть вечный и единственно не ложный маяк во

мраке жизни, огонь во тьме ее позорных заблуждений; я вижу, что все ярче он горит, все глубже освещает бездны тайн, и я иду в лучах бессмертной Мысли, вослед за ней, все – выше! и – вперед!

– Для Мысли нет твердынь несокрушимых, и нет святынь незыблемых ни на земле, ни в небе! Все создается ею, и это ей дает святое, неотъемлемое право разрушить все, что может помешать свободе ее роста.

– Спокойно сознаю, что предрассудки – обломки старых истин, а тучи заблуждений, что ныне кружатся над жизнью, все созданы из пепла старых правд, сожженных пламенем все той же Мысли, что некогда их сотворила.

– И сознаю, что побеждают не те, которые берут плоды победы, а только те, что остаются на поле битвы...

– Смысл жизни – вижу в творчестве, а творчество самодовлеет и безгранично!

– Иду, чтобы сгореть как можно ярче и глубже осветить тьму жизни. И гибель для меня – моя награда.

– Иных наград не нужно для меня, я вижу власть – постыдна и скучна, богатство – тяжело и глупо, а слава – предрассудок, возникший из неумения людей ценить самих себя и рабской их привычки унижаться.

– Сомнения! Вы – только искры Мысли, не более. Сама себя собою испытывая, она родит вас от избытка сил и кормит вас – своей же силой!

– Настанет день – в груди моей сольются в одно великое и творческое пламя мир чувства моего с моей бессмертной Мыслью, и этим пламенем я выжгу из души все темное, жестокое и злое, и буду я подобен тем богам, что Мысль моя творила и творит!

– Все в Человеке – все для Человека!

Вот снова, величавый и свободный, подняв высоко гордую голову, он медленно, но твердыми шагами идет по праху старых предрассудков, один в седом тумане заблуждений, за ним – пыль прошлого тяжелой тучей, а впереди стоит толпа загадок, бесстрастно ожидающих его.

Они бесчисленны, как звезды в бездне неба, и Человеку нет конца пути!

Так шествует мятежный Человек – вперед! и – выше! все – вперед! и выше!